

Голос принадлежал Яо Юню, занявшему девятое место. Он с ледяным выражением лица буравил Яо Чэня острым как клинок взором.

Обращаться к старейшинам столь наглым и бесцеремонным образом считалось верхом неуважения. Однако от участия во «Встрече» Яо Юня отделял всего шаг — но какой болезненный был этот шаг. Немногие в его положении сохранили хладнокровие. К тому же, Яо Юнь не обладал широкой душой и теперь расценивал Яо Чэня как своего заклятого врага.

Яо Лань позволил к себе подобную вольность и только бесстрастно ответил:

— Рейтинг Великого соревнования составлял старейшина Яо Ваньхо. Если у вас имеются вопросы, обращайтесь к нему.

Старейшина Яо Ваньхо. Все тотчас же усмирили свой пыл.

Яо Ваньхо был верховным старейшиной клана, известным в первую очередь своей строгостью и непреклонностью в решениях. Если распределял места он, то никто не смел возражать.

Яо Юнь остался не удовлетворён ответом, но высказывать слова против не стал. Перечить старейшинам школы было одно дело, но вот верховным старейшинам... Яо Юнь не смел.

Толпа потихоньку редела. Яо Чэнь вежливо отклонил все приглашения и поспешил домой. Сейчас он желал вернуться как можно скорее.

Яо Чэнь и Ло Шу шли домой в полной тишине. Обыкновенно болтливый Толстячок не проронил ни слова. Чем ближе Яо Чэнь подходил к дому, тем торопливее становились его шаги и тем сильнее билось его сердце.

У поворота в переулок, в тени уличных деревьев, стояла уже немолодая, но по-прежнему привлекательной наружности женщина. Видимо заметив их, она повернула голову.

— Мама, — глаза Яо Чэня заблестели. В носу почему-то защипало, а на глазах навернулись слёзы. Раньше ему казалось, что для счастья хватило бы занять любое из первых восьми мест. Но сейчас он глядел в полные надежды глаза матери, и ему столько хотелось ей рассказать.

Яо Чэнь подбежал к ней, открыл рот, но слова почему-то не шли у него с языка — в голове опустело, и он тихо сказал:

— Я вернулся.

— Пошли домой, — Яо Цин улыбнулась, в её взгляде читалось столько нежности и заботы, что всё остальное меркло перед ними.

— Тётя Цин, братец Чэнь занял первое место. Тётя Цин, вы бы видели их лица, ха-ха-ха, в двух словах: блестящее исполнение. Тётя Цин, а что сегодня на ужин? — Ло Шу, наконец, дал словам волю. — Братец Чэнь, а чего ты такой спокойный? Это ж первое место! Нам нужны порции побольше!

Они вернулись домой вместе. Зайдя за ворота, они увидели себя напротив красиво украшенного дома. Ло Бин и Ло Шань как раз заканчивали приготовления. Увидав прибывших, они остановили работу и поспешили им навстречу.

— Неплохо, Яо Чэнь, неплохо. Подумать только, занял первое место. Навевает воспоминаниями... Ха-ха, в любом случае, ты не опозорил имя отца, — Ло Бин с чувством похлопал Яо Чэня по плечу; его глаза засверкали блеском давно минувших дней. Затем его взгляд переметнулся на Ло Шу, и слабая радостная улыбка сменилась горькой. В молодости, он и Яо Хо были одними из лучших учеников в школе, а вот Ло Шу... эх, Ло Шу, почему ты не приложишь хоть чуточку усилий?

Ло Шу втянул шею в плечи, поняв скрытый смысл за взглядом отца. Никто не знает сына лучше, чем отец, и точно так же никто не знает отца лучше, чем сын. Если он сейчас не сменит тему, то ему грозит порка.

— Тётя Цин, вам тоже кажется, что для такого знаменательного события нужен праздничный стол? — Ло Шу тут же нашёлся о чём спросить.

Ло Бин покачал головой. Горбатого только могила исправит. К счастью, был ещё старший сын, и он вселял надежду.

— Ло Шу, прекрати. Ты ж у меня смышлёный, пустил бы лучше ум в нужное русло...

Пускай они и называли это праздничным столом, в действительности это был обыкновенный вечерний ужин, только блюд стояло побольше. Две семьи весело выпивали, смеялись, болтали о всякой ерунде и толкали ободрительные речи к предстоящей «Встрече».

Напутствия время от времени повторялись, но Яо Чэня это не раздражало, каждое пожелание он сохранил глубоко в сердце. Надобно ли говорить, что о происшествии два года назад никто и словом не обмолвился.

Взрослые разрешили детям пить спиртное, но Яо Чэнь осушил всего три чарки вина и больше к нему не притрагивался.

До «Встречи» оставалось немного немало месяц. Время поджимало. Чтобы проявить себя достойно, нужно посвятить все оставшиеся дни тренировкам. Вдоволь напившись и наговорившись, Ло Бин и два его сына попрощались и ушли. Яо Цин быстро прибрала стол, потом повернулась к Яо Чэню и ласково сказала:

— Чэнь-эр, ты большой молодец, но... помни, что говорил отец: если пустил стрелу, она обязательно должна попасть в цель. Нельзя зазнаваться раньше времени.

— Чэнь-эр понимает. Мама, я пойду тренироваться.

— Хорошо, — Яо Цин кивнула головой. — Хотя подожди, — Яо Чэнь повернулся. — Остался всего месяц... Ты едва ли успеешь прорваться к царству Мастера, но тогда несомненно проиграешь. У тебя не будет и шанса.

— Мама? — Яо Чэнь нахмурил брови. Время поджимало, но его вполне хватало, чтобы прорваться. Нужно было только вытерпеть суровые тренировки.

— С сегодняшнего дня увеличивай порцию лекарственных трав на десятую часть, — Яо Цин прикусила губу.

Увеличить на десятую часть означало усилить боль дважды.

Яо Чэнь смеясь кивнул. Он собирался поступить так и до просьбы матери.

Задействовав формацию, Яо Чэнь открыл коридор и ушёл в секретную комнату. Вода в бадье уже вовсю кипела. Яо Чэнь взял немного целебного порошка, отмерил нужное количество и засыпал в бадью. Вода забурлила пуще прежнего, над поверхностью поднялся фиолетовый пар. В нос ударил резкий запах, и Яо Чэнь невольно затрясся мелкой дрожью.

Эта лекарственная жидкость отличалась от той, что была в лекарственной ванне, омывающей костный мозг, закаляющей кости. Та вызывала сильный зуд, но эта — мучительную боль. Даже привыкнув к ней, мышцы непроизвольно сокращались.

Яо Чэнь глубоко вдохнул. Раздевшись, он принял пилюлю светло-зелёного цвета. Она была горькой, притом настолько, что могла, наверное, вернуть мёртвого к жизни. Но Яо Чэнь и к ней привык — и, скрепя зубами, молча пережёвывал. Если её просто проглотить, то весомая часть целебных свойств пропадёт зря.

Однако в формуле этой пилюли присутствовали редкие лекарственные ингредиенты. Для семьи Яо Чэня — цена непомерно великая, поэтому Яо Цин собирала их в горах. Неважно сколь горькой была пилюля, для Яо Чэня она — словно сладкий леденец.

Спустя несколько минут пилюля превратилась в кашу, и Яо Чэнь запрыгнул в бадью.

До его слуха донёсся странный грохот; вода в бадье, казалось, сделалась живой. Ещё секунду назад спокойная гладь вдруг изошлась свирепыми волнами, которые набросились на Яо Чэня, точно голодные звери. Яо Чэнь проглотил пилюлю. Та обратилась в лекарственную силу и, словно магнит, притянула из жидкости всю энергию.

— А-а-а... А-а-а-ам... А-а-а-а... — настолько сильная боль находилась за чертой понимания простого человека. Раньше он ещё как-то держался, но теперь, когда порошка стало больше, страдания стали невыносимы. Яо Чэнь замычал от боли.

Даже бесконечное число раз проткнутое сердце отдавало бы болью меньшей, чем та, какую он испытывал сейчас.

Но ему приходилось оставаться в сознании, чтобы направлять поток лекарственной силы — это и было самым мучительным в его положении. Резкая, острая боль следовала за каждым её обращением — через пять органов[1], руки и ноги, голову, киноварное поле. Чтобы лекарственная сила закаляла тело, требовалось вместе с ней обращать и Доу-ци.

Через какое-то время странный грохот повторился. Яо Чэнь уже свыкся с терзавшей его болью. Из его тела вырвался сгусток духовного пламени. Доу-ци потянулась к нему тонкими нитями, которые, сливаясь с лекарственной силой огня, превращались в иную энергию и возвращались обратно, но теперь не в киноварное поле, а куда-то глубже, в мышцы и кости, и затем впадали в бездействие.

Яо Чэнь попробовал управлять новым потоком, но все попытки оказались тщетны: энергия не сдвинулась ни на миллиметр, а тело сковало ещё большей болью. Глаза закатились, сознание медленно уплывало. Яо Чэнь перестал обращать внимание на эту энергию и сосредоточился на обращениях Доу-ци, чтобы не лишиться чувств. Если он сейчас потеряет сознание, то все усилия пропадут даром — в бедном положении его семьи это было непозволительно.

Лекарственная жидкость потихоньку светлела и вскоре стала прозрачной, как вода. Яо Чэнь потянулся и несколько раз глубоко вдохнул. Боль, наконец, отступила. Из раскрытых пор онемевшего тела заструился пот. Яо Чэнь почувствовал страшную жажду.

Рядом с бадьёй стояли пять больших кувшинов, до краёв наполненных водой. Яо Чэнь схватил первый попавшийся под руку, приложился к горлышку и в считанные секунды опростал его до дна. Пот полил ручьями; Яо Чэнь опорожнил второй, третий, четвёртый... но только после пятого кувшина сумел он, наконец, утолить свою жажду и перестать потеть. Он ослаб: тело не слушалось, а сознание мутилось. Взгляд поплыл, и он торопливо выбрался из бадьи, оделся и прилёг на каменную кровать. Задействовав метод «Три цветка свились в пламя» и совершив три оборота энергии, он почувствовал, как Доу-ци размеренно заструилась по каждому духовному каналу тела, — затем ясно ощутил границу, отделявшую его от царства Мастера.

До заветного царства было рукой подать, но совершить последний шаг оказалось едва ли посильной задачей. Помимо естественной границы, путь преграждала печать, поставленная матерью в ту злополучную ночь. Доу-ци внутри тела завихрилась, но настолько слабо, что то развеивалась, то вновь принимала неясные очертания вихря.

Прошло какое-то время. Яо Чэнь больше не мог противиться сну, его сознание отключилось. Однако Доу-ци не успокоилась и продолжала вихриться методом «Три цветка свились в пламя». Истинный метод, казалось, претерпевал крохотные изменения — не существенные, но

связанные с управлением пламени; он мерно сливался с духовным сознанием юноши.

Тихо и незаметно прошла ночь.

Свежий утренний воздух проник в комнату через отдушину в стене и принёс с собой запах росы. Веки Яо Чэня слегка задрожали, и юноша открыл глаза. И тут же почувствовал животный голод; живот забурчал. Руки и ноги по-прежнему отдавали слабостью, зато сознание было чистым и незамутнённым.

Прежде чем выйти из комнаты, юноша принял холодный душ, вылив на себя ведро воды, и переоделся.

Во дворе никого не оказалось: мать уже ушла, однако стол ломился от блюд.

Яо Чэнь набросился на еду, как голодный зверь, и вскоре ничего после себя не оставил. Только потом заметил лежащую записку.

Но даже не читая её, он знал, что мать отправилась в горы собирать лекарственные травы. Каждому ученику клан предоставлял природные материалы, но их решительно не хватало. Тем более, что два года назад ему урезали их вдвое. Почти все травы, которые он использовал для лекарственной ванны, находила мать, и именно по этой причине он не позволял себе опускать руки.

Яо Цин всегда пропадала на несколько дней. Яо Чэнь сильно за неё переживал, но сейчас в этом не было никакого толку. Мужчина не должен быть непостоянным: если его мать прилагала все силы, то он просто обязан выложиться на полную.

Пока Яо Чэнь планировал свои следующие дни, за забором послышался голос Ло Шу.

— Я пришёл! братец Чэнь, тётя Цин!

Но стоило ему зайти, как он побледнел. Концы и линии около губ задрожали, и он спросил:

— Братец... братец Чэнь, а тёти Цин нет дома?

Яо Чэнь смеясь кивнул.

— Думаю, в ближайшее время тебе придётся полагаться только на себя.

И без того бледное лицо Ло Шу сделалось совсем белым, он тупо кивнул головой.

— Понял... значит, я возвращаюсь домой и ем маньтоу?

— Ха-ха, мама оставила тебе немного вяленого мяса. Если не съешь всё сразу, его должно хватить на пару дней.

— Тётя Цин просто золото, хе-хе. Яо Чэнь, я пошёл, — Ло Шу, изрядно повеселев, схватил горшочек с мясом и с тем же приподнятым настроением духа поспешил домой. Ведь если опоздает к обеду, останется без маньтоу.

Яо Чэнь покачал головой. Собравшись с мыслями, он зашёл в дом и затворил двери. Ему никак нельзя было прохлаждаться — следовало вернуться к тренировкам. Его целью было не только достичь царства Мастера, но и закрепиться на нём, поскольку малейшее промедление в создании пилюль чревато провалом. Доу-ци должна обладать твёрдостью.

Лекарственные ванны — путь кратчайший, но обоюдоострый. Практиковать метод «Три цветка свились в пламя» отдельно от ванн значит продвигаться в совершенствовании черепашью ходом. Он был незаменим, когда укрепляешь основание, но для прорыва совершенно не годился.

Через десять обращений Яо Чэнь глубоко вдохнул и горько засмеялся. Прочное основание несомненно наделяло преимуществами, но всего один явный недостаток — препятствие прорыву в следующее царство — сильно расстраивал. Чтобы достичь высшего царства нужно было сначала разрушить основание, затем пересобрать его в новое, рассеяв и выплавив всю Доу-ци. Таким образом, с крепким основанием для прорыва требовалось приложить куда больше сил, но конечный результат стоил того, ведь чем плотнее Доу-ци была до превращения, тем крепче она становилась после. Это был равноценный обмен. Если жаждешь силы, будь готов справиться со всеми трудностями.

Однако Яо Чэнь предвидел такой расклад событий, потому не волновался. Два года он принимал лекарственные ванны, теперь внутри него таилась поразительная кладёз энергии. Насколько мощная — не знал даже Яо Чэнь. Он только смутно представлял, что, если овладеет хоть толикой, то граница перед царством Мастера вместе с печатью матери будут стёрты, а Доу-ци, наконец, сумеет обратиться в вихрь.

Раньше ни одна из попыток не увенчалась успехом. Однако в этом месяце он обязан преуспеть.

Если его одолевал голод, он принимал пилюлю Сухого пайка; если мучила жажда, пил родниковую воду; если следовало справить нужду, использовал пилюлю Избавления от смрада. Прошло полмесяца, Яо Чэнь снова и снова неуступчиво лез в бадью. Грош цена такому алхимику, который не может противостоять одиночеству и скуке. И внутренний талант не сыграет роли.

В эти полмесяца мать вернулась только единожды. Перетёрла травы в лекарственный порошок и вновь ушла, не сказав ни слова.

[1] Ү-цзан — сердце, печень, селезёнка, лёгкие, почки.

<http://tl.rulate.ru/book/5484/1480167>